

В. В. Верещагин

Литератор

(Повесть)

Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. и примеч. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. -- М.: Сов. Россия, 1990.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

В Кирилловском, попросту Кирилловне, сегодня суета: молодой барин уезжает на войну. Господи, как время-то идет! Володя,-- тот самый Володя, которого дворня, все, что постарше, бывшие крепостные, нянчила, видела младенцем, мальчиком, подростком,-- звенит теперь шпорами, заглядывается на девок в крестьянском хороводе, крутит молодой ус и вот хочет помериться с врагом на Дунае. Юный офицер, еще не совсем оправившись от тяжелой болезни, перенесенной в отпуску, настоял на немедленном отъезде в армию, так как ему совестно было благоденствовать в деревне в то время, как почти все товарищи дрались с турками.

Отъезд назначен на сегодня, и проводы, а с ними и хлопоты в самом разгаре: стряпают, пекут и жарят с раннего утра. Как ни отказывался Владимир, как ни уверял мать, что он все достанет дорогою, потому что до города и железнодорожной станции недалеко, Анна Павловна решила, что он возьмет с собой всего, благо все, наверное, пригодится.

-- Право, я весь пропитаюсь маслом и начинками,-- шутя жаловался он матери.

-- Что ж, пропитайся, зато не испортишь себе желудка, да и товарища будешь продовольствовать.

-- Ну, уж товарищ-то так невзыскателен в еде, что может глотать решительно все.

Атмосфера большого Кирилловского двора была до того полна запахами пирогов, печений и жареной дичины, что друзья дома, дворняжки Жучка, Катанка и сам лягавый Бокс не отходили от кухонного крыльца.

Кучера на конюшенной "галдарее" справляли тарантас, и Поликарп, готовившийся ехать с молодым барином, кажется, успел уже "налить глаза", как выражался о его слабости барин-отец: изговоря экипаж и лошадей, он все разговаривал не только с животинами, но и оглоблями и постромками, браня их за оказавшиеся неисправности. Это последнее поползновение одушевлять неодушевленные вещи своего обихода и объяснять им вред неисправности и неготовности к службе было всегда верным признаком расстроенного состояния кучера и выдавало его слабость; в прежнее, крепостное время оно доводило его до экзекуции "на конюшне", а теперь, после смягчения нравов эмансипациею, до угроз быть прогнанным. Последняя мера бывала, впрочем, приводима в исполнение, но Поликарп обыкновенно, после недолгого отсутствия, снова возвращался на старое пепелище, наивно объясняя, что "в чужих людях" ему не живется.

Больше и едва ли не глубже всех была огорчена предстоящим отъездом старая-престарая няня Марфа, начавшая плакать с самой той поры Володиного отпуски, когда была отправлена просьба о переводе в действующую армию; со времени же назначения его ординарцем к важному лицу она буквально не осушала глаз. Назначение это устроил граф А., бывший корпусной товарищ Володиного отца, всегдашний покровитель семьи. Теперь няня в хлопотах увертывания, увязывания и укладывания -- чего-чего только она ни втиснула бы, если б ее не останавливали! -- морщилась и крепилась, но временами "силушки" ее не хватало -- нет-нет, она всхлипывала, а за дверями даже и подвывала. Шутка ли? Ее "дите", как по старой памяти она называла своего любимца, несмотря на то, что ему уже шел двадцать четвертый год, уедет на войну, под пули, на смерть! Слыханно ли идти на такое дело, еще не оправившись толком от болезни? "Не снести ему, пожалуй, головушки,-- ой, напророчу я, чего доброго, старая дура! Господи, сохрани и помилуй его! -- шептала она беспрерывно, почти бессознательно.-- Что холоду и голоду натерпится; кто там присмотрит за ним, прислужит, походит в болезни? Заступница усердная, мать господя всевышнего, защити робенка, покрой его святым твоим покровом!.. Не видать мне тебя, роженный мой, не дожить уж до этого!" -- шевелили ее дрожащие губы и говорили слезливые глаза,